

Глава I

К истории создания Московской школы христианской психологии: конец XX века

Б.С. Братусь

Связь психологии и духовного образования присутствовала издавна. Психологию преподавали как обязательный предмет еще в Киево-Могилянской академии, сохранились до наших дней рукописи этих курсов (1639 г., 1645 г., 1687 г., 1693 г.). Комментируя данный факт, Ю.М. Зенько пишет, что «даже в советское время вынуждены были признавать, что эти „киевские ученые“ (а фактически богословы, священники и монахи) внесли значительный вклад в развитие психологической мысли и что они разрабатывали вопросы психологии на уровне тогдашней западноевропейской науки»¹. Характерна история с авторством первой в России психологической книги, изданной в Москве в 1796 г. Советские историки называли автором некоего Ивана Михайлова. Но как было недавно показано, речь шла на деле об *Иване Михайловиче Кондорском* (1764–1838), бывшем в момент написания книги диаконом, а впоследствии священником, протоиереем Русской Православной Церкви². С тех пор отечественная психология была тесным образом связана с духовным образованием, с постоянно идущим диалогом психологии и Церкви, при этом спектр обсуждаемых подходов и направлений был весьма широким, отнюдь не сводящимся лишь к узко философско-богословским рассуждениям.

Итак, если вести отсчет от датировки рукописей Киево-Могилянской академии, то диалог между христианством и психологией ведется в нашем Отечестве уже с XVII в. Наибольшую интенсивность это взаимодействие получило в конце XIX — начале XX в., в тот короткий период, который получил потом наименование Серебряного века. Собственно, одна из граней этого времени — высота и благородство устремлений тогдашней российской науки, в том числе и психологии, для которой были органически близки общехристианские темы, равно как в богословии много серьезного внимания уделялось психологическому подходу.

Это не значит, конечно, что не было усиливающихся споров, дискуссий сторонников разных подходов (скажем, «материалистов» и «идеалистов»), но надо понимать, что эта полемика велась в рамках *научной критики* как

¹ Зенько Ю.М. Психология религии. СПб., 2009. С. 254.

² Там же. С. 61–62.

спутника и условия живого движения познания. Поэтому глубоко неверно представлять тогдашние взаимоотношения науки и Церкви (в данном случае светских, университетских ученых-психологов и ученых-психологов и богословов из духовных академий) как некую непримиримую конфронтацию, что столь долго и упорно (и надо сказать — весьма успешно) вдалбливалось советской историей и пропагандой.

Посмотрите, например, как приветствовали официальные представители ведущих духовных академий страны открытие 23 марта (по старому стилю) 1914 г., в день св. Лидии, первого в России (и одного из первых в мире) Психологического института имени Л.Г. Щукиной при Императорском Московском университете. Профессор психологии Московской духовной академии П.П. Соколов: «В Институте работает целый ряд хорошо подготовленных и беззаветно преданных делу молодых работников, среди которых Московская духовная академия с удовольствием видит и имена своих бывших питомцев»³. Профессор Санкт-Петербургской духовной академии В. С. Серебrenиков: «Среди предметов познания для человека нет ничего ближе и дороже его собственной души. В изучении богоподобной природы души заключается неисчерпаемый источник и религиозно-нравственного развития людей, и их царственного возвышения над материальной природой. Но научное исследование человеческой души, отражающей в себе Бога и мир, сопряжено с необычайными трудностями. Посему учреждение специального института, в котором психологи по призванию найдут для своих научных исследований все необходимое, является высокоценным и глубоко знаменательным»⁴. От имени Киевской духовной академии выступил ректор — епископ Иннокентий. От имени Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева выступил Г.А. Рачинский, который пожелал, чтобы университетская психология «способствовала более глубокому постижению природы духа, конкретно открывающейся в религиозном самосознании человека»⁵.

Что касается примеров конкретной религиозно-психологической тематики, то приведем названия лишь некоторых работ того времени⁶: П.П. Соколов «Вера. Психологический этюд» (1902); В. Ф. Чиж «Психология фанатизма» (1905); Д.М. Коновалов «Психология

³ Речи приветствия на торжественном открытии Психологического института им. Л. Г. Щукиной при Императорском Московском университете. М., 1914. С. 15.

⁴ Там же. С. 16.

⁵ Там же. С. 23.

⁶ См.: Христианская антропология и психология в лицах. Основные авторы и работы с древнехристианского периода по настоящее время. Библиографический справочник / Сост. и ред. Ю. М. Зенько. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2010.

сектантского экстаза» (1908); Н. А. Бердяев «Духовный кризис интеллигенции. Статьи по общественной и религиозной психологии» (1910); прот. Николай Липский «Психологические данные в вопросах миссионерской веры» (1910); В.А. Тихомиров «Чувство любви к ближнему (Психологический очерк)» (1910); М.Ю. Лахтин «Бесоодержимость в современной деревне. Историко-психологическое исследование» (1910); И. П. Триодин «Нравственное возрождение человека с психологической точки зрения» (1911); прот. Сергей Четвериков «О трудностях религиозной жизни в детстве и юности» (1911); М.А. Новоселов «Психологическое оправдание христианства» (1912); И. Я. Чаленко «Основные черты морально-психологического типа христианина по ново- заветному учению» (1912); иеромонах Алексей (Кузнецов) «Юродство и столпничество. Религиозно-психологическое исследование» (1913); В.В. Платонов «Психология молитвы» (1913); священник Сергей Бежан «Психология буддизма» (1913); священник Вячеслав Магнитский «Религиозные чувствования» (1914); епископ Георгий (Ярошевский) «Глоссолалия. Богословско-психологический очерк» (1915); С. Л. Франк «Душа человека. Опыт введения в философскую психологию» (1917); В.В. Зеньковский «Задачи религиозной психологии» (1917) и др.

Однако после Октябрьского переворота 1917 г. ни о каких изысканиях в области психологии веры, религии, христианства речи быть уже не могло. На долгие десятилетия остановились и теологические (в том числе богословско- психологические) исследования (лишь малая часть православных богословов ушла с русской эмиграцией на Запад, где был сохранен очаг свободного развития). Жестким репрессиям подвергалась, разумеется, не одна христиански ориентированная область психологии, но и большинство ее отраслей, почти вся наша наука в целом. В 30-х гг. прошлого века были полностью «вырублены» *педология* (детская и педагогическая психология), *психотехника* (психология труда и инженерная психология), *психоанализ*, *тестология*, *зоопсихология*, *социальная психология*, *поведенческая психология*, *психотерапия*⁷. Только после смерти Сталина, в конце 50-х — начале 60-х гг., появилась возможность вновь приступить к работе по некоторым из этих направлений. Однако о христианской психологии, несмотря ни на какие «оттепели», по-прежнему не могло быть и речи. И хотя «безбожные пятилетки» и массовые репрессии, кажется, миновали, но все упоминания о вере, Боге (писавшемся тогда непременно с маленькой буквы), религии подвергались жесткой цензуре. Более того, именно в это («хрущевское») время из программ духовных училищ была исключена психология,

⁷ См.: *Братусь Б. С.* Русская, советская, российская психология. М., 2000.

читавшаяся там, как мы знаем, со времен Киево-Могилянской академии.

В этом плане *христианская психология* — наиболее длительно (около семидесяти лет) и жестко репрессированная при советской власти ветвь психологического знания.